

представления) и поверхностно-синтаксические представления выполнены в одном и том же алфавите, и предполагается, что множество семантических представлений у предложений являются исходными для получения множества синтаксических интерпретаций, здесь именуемых поверхностными структурами. Этот подход порождающей семантики представляется в методическом отношении довольно неудобным в следующем отношении. Если с самого начала ориентироваться на то, что в задачу лингвистического описания не входит описание других видов интерпретации, кроме семантической и синтаксической, то эта модель вполне оправдана и представляет собой «запаянный» формальный аппарат, в рамках которого можно вести исследование конкретных свойств языка. Однако, коль скоро приходится переходить к расширению описания на новом этапе и описывать свойства языка, лежащие за пределами отношений между составляющими предложение лексическими единицами в определенной структуре, — типа употребимости тех или иных синтаксических структур в тех или иных речевых актах, для выполнения того или иного речевого задания, то порождающей семантике приходится «достраивать» свой аппарат каждый раз весьма неудобным способом. Например, Дж. Гордон и Дж. Лакофф предложили произвести эту достройку путем введения «трансдеривационных» правил, которые соотносят практически одни семантические структуры с другими (такой прием имеет старую традицию, восходя еще к карнаповым «семантическим правилам», которые в свою очередь зародились в концепциях Ч. Пирса и Ч. Морриса). Однако от этого их грамматическая концепция теряет свою прозрачность и однозначность, а если учесть, что при каждом таком дополнении системы новыми типами необходимой или выполнимой в рамках лингвистического исследования интерпретации приходится менять радикальным образом всю систему, то придется признать меньшее удобство такой непоследовательно интерпретационной концепции с практической точки зрения. Так, в указанном случае перестройка грамматической концепции состояла в том, что у предложения появилось постулируемое «каноническое» семантическое представление, называемое буквальным значением, и множество выводимых, имплицитных значений, получаемых в качестве интерпретаций из этого канонического значения. Это позволило Дж. Сейдоку с полным правом утверждать (Сейдок, 1975), что у порождающей семантики появился аппарат интерпретации, а ведь именно от интерпретационизма пытались представители этого направления в первую очередь отмежеваться! Интуитивную наглядность и оправданность своей системы они видели в том, что процесс «смысл — текст» в рамках их концепции более прозрачен, чем то же отношение в рамках «стандартной теории», где в качестве промежуточного звена имеется глубинная структура.

По поводу понятия «глубинной структуры» как технического термина в конце 60 — начале 70-х годов происходили большие споры между сторонниками порождающей семантики и сторонниками стандартной модели. Вопрос состоял в том, можно ли процесс порождения синтаксического представления предложения постулировать таким образом, чтобы на некотором вполне определенном уровне порождения, называемом уровнем глубинной структуры, иметь такое синтаксическое представление предложения, которое соответствовало бы ровно одному значению предложения, но не обязательно совпадало с ним. Под «глубинной структурой» в стандартной модели понималась самая первая в деривации предложения структура, полностью заполненная лексическим материалом.

Итак, проблему выяснения противоречивости концепций, содержащих понятие глубинной структуры, сторонники порождающей семантики сводили на самом деле к двум проблемам. Во-первых, к необходимости доказать, что в любом синтаксическом генеративистском описании, по крайней мере для английского языка (а, по их мнению, тем самым и для любого языка, поскольку схема организации грамматики считается в гене-